А. ШАРОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЁЖЕНЬКИ,
ИЛИ
СКАЗКА О НАРИСОВАННЫХ ЧЕЛОВЕЧКАХ

Далеко-далеко, за морями, за лесами и ещё за высокой горой, в маленьком городе на опушке бора жили два брата художника.

Младшего брата звали Добрый Художник.

А старшего — Злой.

Провёл старший брат чёрной-пречёрной краской черту.

— Всё, что по эту сторону, моё!— сказал он младшему.

Видишь: ему досталась бóльшая половина комнаты.

И бóльшая половина окна!

И бóльшая половина леса, который виден в окно!

И бóльшая половина звёздочек, которые горят над лесом!

© Оформление.
Мурманское книжное издательство, 1989

Стал Добрый Художник рисовать на листе бумаги картинки и буквы для азбуки: «А»... «Б»... «В»... Поглядел, а часть листа попала за чёрную черту к Злому брату.

Плохо, да что поделаешь!..

Работает Добрый Художник, рисует.

К вечеру холодно ему стало, руки совсем замерзают.

Пошёл он в дремучий лес — хворосту набрать и печку протопить.

Идёт он чащобой. Деревья трещат от мороза.

Темно.

Холодно.

Страшно.

Идёт он, идёт и вдруг слышит дрожащий голосок:

— Простите, пожалуйста, но я зз... а... мм... е... рр... ззз... аю...

Оглянулся Добрый Художник, а в сугробе под ёлочкой Ёжик.

Плохо бедняге: шубка заледенела, щёки побелели от мороза.

Ёжик-Ежище — Чёрный носище... Знаете, когда Ёж возвращается из лесу в нору, он снимает колючую шубку, вешает её на гвоздик и надевает мягкую пижаму.

И когда Ежата возвращаются из леса в нору, они тоже снимают колючие шубки и надевают мягкие пижамы.

Но когда Ёж выходит из норы в лес, он никогда не забывает снять пижаму и надеть колючую шубу.

И Ежата тоже никогда не забывают. Колючки защитят и от лисы и от волка!

А от мороза трескучего? От ветра ледяного?

Нет, от мороза и ветра они не защитят!

...Пожалел Добрый Художник Ёжика и положил за пазуху: пусть бедняга отогреется.

Положил он его на грудь и укололся больно-пребольно.

И сразу почувствовал: что-то странное творится кругом.

Будто бы он спит, но с открытыми глазами.

И будто бы тепло стало в лесу.

Ели и сосны стряхнули снег, похлопали мохнатыми лапами, взялись за руки, окружили Художника, ведут хоровод, и маленькая ёлочка тихо приговаривает:

— Не бойся. Ничего страшного не случилось.

— Ничего не бойся!— вслед за ёлочкой повторяет мудрый старый пень в белой высокой шапке.— Просто-напросто ты стал Волшебником. Так бывает с каждым, кто в зимнюю стужу, в морозную ночь повстречает Ежа-Ежище — Чёрный носище и согреет его.

— Что же мне делать?— спросил Добрый Художник, который всё-таки очень испугался.

— Будь осторожен!— десятками голосов ответили ели, и сосны, и лесной ветер.

Синие подснежники на секунду выглянули из окошек снежных сугробов — своих домов, тоже сказали:

— Будь осторожен!— и снова скрылись в сугробах.

— Будь осторожен! — проскрипел старый пень в снежной шапке.— Помни, это нелегко — быть настоящим Добрым Волшебником.

Очнулся Художник, а он уже дома.

В печке горит хворост. Тепло. На столе недорисованная азбука.

«Неужели мне всё только приснилось?»— подумал он.

Глядит, а из рубашки ежиные иглы торчат.

Положил он иглы на стол; это уже не иглы, а цветные карандаши.

Один, серый, карандаш укатился за чёрную черту — к Злому Художнику. Тот его цап-царап.

— Мой!— говорит.— Не отдам!

Добрый Художник сразу догадался:

Это не простые, а волшебные карандаши! И всё, что нарисуешь волшебными карандашами, будет живое!

И подумал он:

«Нет у меня доченьки. А какая уж жизнь без дочурки! С кем посмеёшься? Кому порадуешься? Кому сказку расскажешь?»

И решил он: «Дай нарисую я себе маленькую доченьку. И назову её Ёженька».

Взял и нарисовал.

Вот какая девочка получилась! Синеглазая, рыжая, с бантом — славная.

Славная-то славная, только капризная немного.

Огляделась Ёженька и захныкала:

— Ску-у-у-учно!

И Художник чуть не плачет: жалко ему доченьку!

Подумал он и нарисовал море: спокойное, весёлое.

И небо нарисовал — ясное, без облачка.

И нарисовал Ёженьке шапку — золотую, как корона.

И лодку нарисовал — настоящую, из спичечной коробки.

И мачту. И парус из розового лепестка.

И дал Ёженьке в руки синий воздушный шар.

И сказал дочке:

— Катайся по морю. Не скучай. А я отнесу азбуку в школу. А то дети всё спрашивают, как пишется «А», и как пишется «Б», и как пишется «В».

И он ушёл.

Злой брат уже тут как тут.

— Ага! Попалась!— закричал он страшным голосом и — р-раз!— распахнул окно.

А на дворе бушевала буря. Ворвался ветер в комнату.

Завертелось всё, закружилось. Одеяло летит, как птица крыльями машет. Лампочка под потолком раскачивается, как колокол: динь-динь, динь-динь...

Забурлило и нарисованное море.

Выше, ещё выше поднимаются волны. Вот какие страшные белые гребни на них! Того и гляди, лодка утонет. Уже и мачту сломало, и парус сорвало.

Уже и не видать лодки среди волн.

— Ага! Попалась!— ещё раз страшным голосом закричал Злой брат и от радости подскочил до потолка.

Вот какую он шишку набил себе на макушке!

— Конец тебе, глупая маленькая Ёженька!

Он очень не любил маленьких детей, этот Злой Художник.

Старший брат так страшно и громко закричал, что младший, хотя и был далеко, услышал и сразу прибежал домой.

Море бушует ещё сильней.

«Всё пропало,— подумал Добрый Художник,— нет больше моей золотой Ёженьки!»

И только успел он это подумать, из-под потолка раздался голосок:

— Ау! Я тут! Спасай меня! Ой! Ой! Спасай меня скорее!

Взглянул Добрый Художник вверх и видит: над гребнями волн летит Ёженька, уцепившись за свой воздушный шар.

Но волны уже бьются о потолок: бум! бум!— и брызги во все стороны.

Ветер всё сильнее. Ещё немного — и он вырвет шар из Ёженькиных рук.

— Держись, Ёженька!— крикнул Добрый Художник, бросился в самую пучину, волшебным карандашом разгребая волны, и одним движением нарисовал остров среди океана.

И нарисовал на острове три пальмы: одна пальма шоколадно-пирожно-конфетная, вторая — морожено-пломбирная.

А третья пальма аптечная.

Мало ли что приключится: вдруг Ёженька перекупается, или ушибётся, или слишком много конфет съест!

А Злой Художник пристроился рядом, прикрылся ладонью и рисует ужасные ужасы.

Он уже нарисовал своим серым карандашом одного... двух... трёх людоедов, чтобы они поймали Ёженьку и съели.

А Ёженька подлетела к острову и опустилась на него.

Стоит, смотрит и радуется солнцу, пальмам, жёлтому горячему песку под ногами и синему небу над головой.

Нарисовал Добрый Художник трёх братьев Ёженьке. Трёх храбрых ежей, чтобы они защищали сестричку.

Первого, самого большого и сильного,— Старшего Ежа.

Второго, поменьше,— Среднего Ежа.

И ещё третьего, самого меньшего,— Маленького Ежа; надо же Ёженьке кому-нибудь рассказывать свои секреты.

И каждому дал щит. Он жалел Ёженькиных братьев.

И каждому нарисовал сердце.

Старшему Ежу — золотое: сильное и горячее, как солнце.

Среднему Ежу — синее: верное и широкое, как море.

А самому маленькому — зелёное: доброе и ласковое, как трава.

Иначе ежи были бы бессердечные.

И ещё одно сердце, яркое, как радуга, он нарисовал про запас; это сердце он спрятал на верхушке конфетной пальмы.

А Злой Художник тем временем нарисовал ещё трёх людоедов; значит, всего их стало: 3 + 3 = 6. Много!

И нарисовал он Чудовище Пятирога: у него огромнейший острый рог на носу да по рогу на каждой ноге.

И нарисовал гору. Над ней чёрный дым. Это не простая гора, а огнедышащая — вулкан. Он даже дым не дорисовал до конца, а уже крикнул страшным голосом:

— В бой, проклятые людоеды! Конец тебе, глупая маленькая Ёженька!

Послушались людоеды и метнули копья.

Подняли и сомкнули щиты храбрые Ёженькины братья, защищая сестричку.

Три копья попали в щит Старшего Ежа, два копья — в щит Среднего Ежа, и одно — в щит самого маленького, того, которому Ёженька рассказывала свои секреты.

Сильно, очень сильно ударили копья.

Но братья выдержали. Даже самый маленький выдержал.

А Злой Художник бьёт своим серым карандашом Чудовище, приказывает:

— Беги и сейчас же растопчи глупую Ёженьку.

Побежало Чудовище!

Остров затрясся под его копытами, как при землетрясении. Но Ёженька придумала, как победить врага, и шепнула братьям.

Старший Ёж подскочил и ухватился за вершину конфетной пальмы. Средний Ёж повис на ногах старшего брата. А Ёженька и Маленький Ёж уцепились за ноги Среднего Ежа.

Согнулась пальма! До самой земли согнулась! Согнулась, как лук, высокая конфетная пальма.

А Пятирог совсем близко.

— Беги скорее, а то я тебя резинкой сотру!— подгоняет Злой Художник Чудовище.— Растопчи Ёженьку!

— Отпускай!— скомандовала Ёженька.

Пальма разогнулась. «Мишки», «шоколадные бомбы», кремовые пирожные, торты полетели навстречу Чудовищу!

А вместе с конфетами полетело и сердце — то, запасное.

Чудовище увидело, какие вкусные вещи летят, и открыло пасть. Оно было хотя и Чудовище, но сластёна.

Проглотило оно сто тортов, тысячу пирожных, десять тысяч шоколадных конфет, сто тысяч карамелек и вдруг улыбнулось и сказало Ёженьке:

— Ни за что я тебя не растопчу и не проглочу. Давай будем дружить!

Ведь вместе со сладостями в него влетело сердце. И стало Чудовище доброе и милое.

Чудовище хотя с виду и огромное — больше слона, но по правде оно совсем ещё маленькое, только-только родилось на свет. А маленькие чудовища иногда удивительно как быстро добреют.

Протянуло Чудовище Ёженьке лапу.

И Ёженька смело протянула ему руку и тоже сказала:

— Давай будем дружить!

Всё бы хорошо, но Злой Художник стащил тем временем красный карандаш и нарисовал извержение вулкана.

Льётся красная, кипящая лава.

А Злой Художник радуется.

— Пусть весь остров зальёт и всё погибнет,— бормочет он про себя.

Только не бывать этому!

Повисли Ёженька и её братья на морожено-пломбирной пальме. Р-раз — и полетели навстречу лаве три миллиона порций сливочного, шоколадного, лимонного мороженого.

И ещё миллион порций крем-брюле!

Лава, конечно, замёрзла.

Жалко, столько мороженого погибло, но зато — ур-ра!— остров спасён.

А Чудовище тем временем погнало людоедов к самому морю. А там пожалело их и спросило:

— Не будете больше людоедами?

— А мы и не людоеды вовсе. Нас только прозвали так, чтобы страшнее было.

— Воевать больше не будете?— спросило Чудовище.

— Честное слово, не будем!

— Тогда идёмте мириться.

И помирились.

И зажили дружно.

А остров стал называться Островом Нарисованных Человечков.

Ты посмотри на глобусе и, может быть, найдёшь его. А может быть, и не найдёшь, потому что он очень маленький.

Теперь там школа.

А на стене в школе висит табель, в котором Старший Ёж — он теперь стал учителем — проставляет отметки всем ученикам.

Из вулкана вытекла вся лава, так что внутри стало хорошо и просторно.

А шапочку Ёженькину, которая вроде короны, носят

по очереди все. Кто дежурит по школе, тот и носит. Сегодня дежурит Чудовище.

А после уроков все Нарисованные Человечки идут купаться в море или катаются на катке, который образовался из замороженной лавы. Замечательный каток! Ёженька учит кататься Чудовище. Оно не очень-то ловкое, да и нелегко быть ловким, если ты такое громадное. Вот оно упало, всплакнуло было, но лизнуло лёд и сразу утешилось. Лёд-то ведь сладкий, из самого прекрасного мороженого.

А иногда утром, в солнечный денёк, все Нарисованные Человечки стоят на берегу, около своих трёх пальм. Что они ищут глазами? Почему лица у них такие задумчивые, даже грустные? Особенно у Ёженьки. Может быть, они ищут дом за ста морями и ста лесами, да ещё за высокой горой, в маленьком городе, на опушке дремучего леса, дом, в котором они родились и где живёт Добрый Художник.

20 коп.

ХУДОЖНИК А. АЗЕМША

Текст печатается по изданию: Шаров А. Мальчик Одуванчик и три ключика: Сказки. М.: Детская литература, 1969

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Шаров Александр Израилевич

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЁЖЕНЬКИ,
ИЛИ СКАЗКА
О НАРИСОВАННЫХ ЧЕЛОВЕЧКАХ

Редактор А. Б. Тимофеев
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор А. Ф. Сергеев
Корректор З. М. Лазько

ИБ № 728

Сдано в набор 11.07.88. Подписано в печать 06.01.89. Формат 60 x 84/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,3. Усл. кр.-отт. 9,3. Уч.-изд. л. 2,26. Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150001—300000 экз.) Заказ 2348. Цена 20 коп. Мурманское книжное издательство. 183626, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630 г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

Ш 4803010201—02 19—89
М150(03)—89

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1989